

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ:

Культура. — 1996. — 21 сент. — с. 12.

Последняя жертва культа личности

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

В нем всегда присутствует шик профессионала: если он публикует книгу, она входит в список бестселлеров, готовится телепередача — становится одной из самых популярных, а уж если его пьеса идет в театре, как правило, она является гвоздем сезона.

Эдвард Станиславович, чем вы порадуете сегодня любителей театра, своих телезрителей и, конечно же, читателей?

— Сейчас в Москве ставится одна из последних написанных мною пьес — "Последняя ночь последнего царя". Репетирует ее Валерий Фокин. Он собрал знаменитых актеров: Михаил Ульянов, Ирина Купченко, Александр Збруев, Евгений Миронов участвуют в спектакле. Очень долго писал эту пьесу: начал ее до выхода книги о последнем царе и вот только недавно закончил. Мне очень важно, чтобы пьеса сначала вышла в России, потому что как-то так сложилось — часто мои произведения сначала выходили на Западе, а потом уж в нашей стране. Запретил всем западным театрам ставить спектакль до его премьеры в Москве.

— Когда она состоится?

— В октябре. Пьеса документальна, но это — художественное произведение — и, конечно, вымысел в ней присутствует. Впрочем, недавно ко мне попали новые документы о гибели царской семьи, и оказалось: целый ряд положений в пьесе, которые я считал вымыслом, документально подтвердились! Так что мистика романовской истории, с которой я сталкивался постоянно, продолжилась.

Также я совершил то, чего никогда не делал, — напечатал ее в сборнике своих последних работ. Сборник, как мне кажется, достаточно труден. Он называется "...И сделалась кровь" — цитата из Апокалипсиса. Это драмы революции, сюда входят "Лунин" — пьеса, которую я написал давно, и "Последняя ночь последнего царя". А открывает книгу рассказ "Прогулки с палачом" — это практически тоже пьеса-монолог знаменитого французского палача, которого история назвала Самсон Великий. В телеге его уместилась вся французская революция: в ней он увез на гильотину и Марию Антуанетту, и графиню Дюбарри, и всех великих революционеров, по очереди отправивших друг друга на гильотину: сначала жирондистов, затем Дантона и Камила Демулена, а потом и Робеспьера. Эта история справедливо открывает мою книгу, потому что все революции похожи, ибо следуют общеизвестной фразе, сказанной французским революционером, погибшим на гильотине: "Революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей. Берегитесь, боги жаждут!".

Завершает сборник раздел, названный мной "Воспоминание о будущем". Впрочем, очень надеюсь, что дал ему правильное название. Сюда входят "Неон и Сенека" и "Коба" — рассказ о моло-

дом Сталине: о тех глухих временах его биографии, когда он был удалым террористом. Я думал, что книга предназначена для небольшой аудитории, и был удивлен, когда увидел ее в "Книжном обозрении" в списке бестселлеров.

— Почему вы так усомнились в читателе?

— Книга ориентирована на определенный круг людей, как и все, что я пишу. Счастлив, что он оказался шире.

— Вы хотите подробнее познакомить зрителей с историей и ее героями?

— Это даже не знакомство с историей — это продолжение того же, чем я занимался прежде в пьесах, — попытка рассказать о психологии людей, которые делали историю или были ее жертвами, а чаще и теми, и другими.

— А с чего вы вдруг увлеклись телевидением?

— Мои передачи начались с рассказа о своем театре: я рассказал свою театральную историю и понял, что это удивительный жанр, к которому я всегда подосознательно стремился. Ты — все: актер, режиссер, автор. Я люблю быть один — это независимость, которую я всегда ждал, и это огромная аудитория, которой мне всегда не хватало в театре. Но с какого-то момента я начал уставать от скучных проблем: надо думать, сколько стоит передача, сколько у тебя есть минут, кого-то упрашивать, объяснять, что дважды два — совсем не пять... Скучно. Скуку я ненавижу, видимо, поэтому я скоро закончу. Хотя жаль.

— Насчет скучных проблем и многого другого: говорят, чем больше зла на земле, тем больше причин для творчества...

— Не думаю. Весь конец XIX века — затишье перед бурей, перед кровавым веком двадцатым, а жили и творили в это время титаны: Достоевский, Толстой — список можно продолжать. То же и во Франции: Флобер, Мопассан... Другое дело, что у этих людей, живущих в благополучное время, появляется ощущение гонимости бури, надвигающегося ужаса: читайте "Бесы".

Если вы имеете в виду сегодняшний день, то разве можно сравнить зло нынешнего времени с прежним ужасом? Сейчас у нас происходит очередная смена цивилизаций. За короткий период — семьдесят с небольшим лет — страна пережила три цивилизации: царскую, большевистскую и вот теперь — третью. И проходит все это сегодня благополучно, сравнительно с тем, как могло бы происходить. Вспомним это, уже много раз употребленное, сравнение: Моисей выводит народ из египетского рабства — они годы странствуют в пустыне, и многие хотят вернуться обратно в рабство, и не только потому, что там есть обеспеченный кусок хлеба, рабство — это отсутствие личной совести и проблемы выбора: все решает хозяин. Так что мы переходим в новую цивилизацию спокойно. И не следует возмущаться людьми, которые нас ведут, — они не гении, они созданы предыдущей эпохой, и каждый из них должен много раз отказываться от заложен-

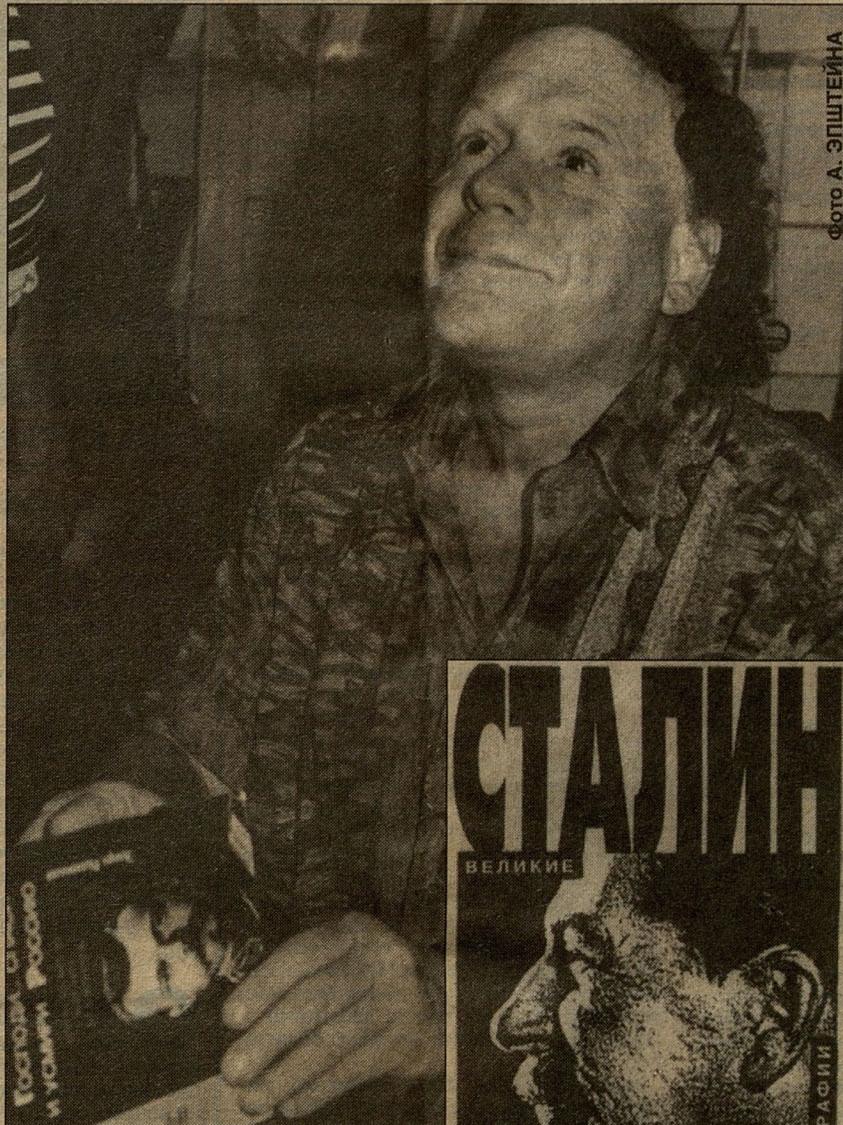
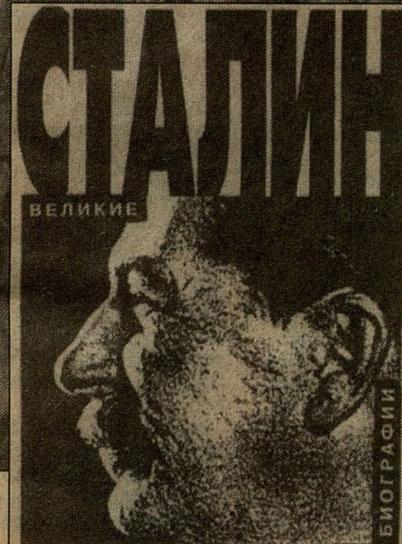

Фото А. ЭПШТЕЙНА

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

К концу года издательство "ВАГРИУС" порадует читателей долгожданной встречей с книгой Э. Радзинского. Эта книга — попытка раскрыть подлинную биографию Сталина, которая заставит по-новому взглянуть на его личность. Впервые! Секретные архивные документы и редчайшие фотографии.

они шулерничают, я вспоминаю, как один американский губернатор решил стать нищим, чтобы выяснить, сколько же они зарабатывают. Выяснилось, что это неплохой заработок, но как губернатор очень справедливо заметил: "Работа при этом тяжела, я бы не согласился...".

— Эдвард Станиславович, как часто вы рассказываете в том, о чем говорите, и в том, о чем умалчиваете?

— Бесконечно рассказываю в том, о

чем говорю, особенно, когда читаю свои интервью. Тогда меня охватывает ужас: "Боже мой! Я же совсем не то хотел сказать!". Но почему-то не сумел.

— Когда больше всего страдает ваше самолюбие?

— Дело в том, что самолюбие чаще всего проявляется от непризнания. Когда у вас есть признание, то вы становитесь невероятно благостным — ваше самолюбие не страдает, вы немножко... засыпаете... И вот какое-то время назад я прочел о себе ужасную статью, вернее, мне позвонил мой друг, живущий за рубежом, который очень внимательно следит за нашей прессой. Он был страшно возмущен, и я тоже. Но потом я понял: как это замечательно! Ведь этим меня предупредили — судьба послала мне эту статью, чтобы я понял, как смешно любое тщеславие. Забавно, но в Риме, в дни триумфов императоров, по площади бегали специальные ругатели и кричали поношения в лицо своим цезарям. Римляне знали: это помогает — помогает сохраниться. И еще... В этом есть некоторое ощущение молодости: значит не вас бояться, значит, вы кого-то еще очень раздражаете.

— И все-таки плохие рецензии как-то влияют на вашу жизнь?

— Я знаю одного человека, который вырезает о себе плохие статьи и рассказывает всем, как он будет мстить. По-моему, это глупо. Потому что хуже рецензии, чем я могу о себе написать, вряд ли кто обо мне напишет. Ругательные рецензии — великолепный жанр, но, к сожалению, критики у нас их плохо пишут. Здесь стилисты нужны...

— Что сейчас в работе?

Закончил огромную книгу о Сталине: я всю жизнь хотел ее написать. А когда писал, все думал: "Боже мой, зачем! За что!". Мне пришлось найти, прочесть, перетасовать тысячи документов, чтобы понять хоть немного этого человека. Я все время ощущал себя "последней жертвой культа личности". Я думал: "Закончу книгу — и рабство конец!". Я хотел издать ее сразу в Нью-Йорке, Лондоне и, конечно, в Москве. Но пока на Западе книгу переводили, а потом издавали, я попал в новое рабство: продолжил работать над русским изданием и дописал к нему страниц триста. И потому книга опоздала в России и выйдет после Западе. Недавно мне подарили четыре сотни документов — абсолютно сенсационных.

— Кто этот человек?
— Один западный собиратель документов.

— И о ком они?
— Я хочу оставить все в секрете, это пока мое, мне жалко расставаться со своим секретом. Могу сказать только одно: книга произведет шок.

— Тот, кто подарил вам документы, сделал царский подарок...

— Безусловно, он заплатил за них большие деньги и сделал мне это как презент, как он сказал, — за книгу о Николае II.

Беседу вела
Лидия ГАЛУЩЕНКО